

Октябрьская революция: современная судьба старых мифов

Булдаков В.П.,
д.и.н., *Институт российской истории РАН.*

Описание смуты ментальной, вызванной смутой социальной, может стать не менее поучительным, чем конкретно-историческое рассмотрение случившееся – революция живет в истории не только как прошлый катаклизм, но и живой миф, под который подстраивается сознание современников¹. Попытки оценить написанное по истории Октября предпринимались неоднократно.

Пожалуй, два подхода к революции оказали наибольшее внимание на умы современников: меньшевистская концепция, объявившая ее «незаконным переворотом», ибо она не вписывалась в теорию К.Маркса, и официальная советская историография, до такой степени старавшаяся подогнать события современности под интересы существующей власти, что ухитрилась оставить в наследство после себя лишь набор голых лозунгов. Строго говоря, изучение истории Октября в советский период протекало не в рамках единой идеологии, а двух различных подходов – декларативного революционаризма и подспудного государственничества. С различными интерпретациями этого «наследия» и приходится сталкиваться нашему современнику.

Несомненно, что каждое поколение вольно или невольно пишет «свою» историю, а революции по-новому «возрождаются» в памяти последующих поколений. Даже профессиональные историки, стремящиеся отделить беспристрастное знание от пустой «злости дня», становятся заложниками причудливых зигзагов исторической памяти, историографической «моды», не говоря уже о «юбилеях». Революции отмечены особого рода коммеративностью. Стоит напомнить, что через 50 лет после Великой французской революции Ж.Мишле попытался опозитизировать революционный народ, нашедшем свою идентичность в борьбе за свободу; еще через 50 лет более академичный А.Оляр постарался показать, что она стала триумфом разума, положившим начало зарождению современного государства. 150-летие Французской революции пришлось отмечать в особых условиях угрозы нацизма. Ж.Лефевр, автор пожалуй самой яркой книги о революции «Восемьдесят девятый», связал ее с традицией многовековой борьбы за свободу, главную роль в которой играют массы, стремящиеся не только к равенству, но и социальной справедливости. Лишь к 200-летию последовала деконструкция революционного

¹ См.: Hellbeck J. *Revolution on my Mind*. Cambridge, 2004.

мифа, связанная с именем Ф.Фюре, признавшего, что якобинская традиция исчерпала себя.

В лучших работах современных западных авторов звучит мотив сочувствия к неизбежности «русской трагедии»¹. Противоречия общественного развития России оказались таковы, что в условиях безнадежной войны ярость масс выросла до иррационального ожесточения, заставлявшего поверить в утопию. Современный американский историк Уильям Розенберг обозначил ситуацию 1917 года парадоксально и точно: «трагедия соревнующихся невозможностей» – любой выход из нее не сулил ничего хорошего. По его мнению, противостоящие друг другу тогдашние устремления озлобленных, безнадежно надеющихся и еще больше отчаивающихся людей было невозможно примирить без насилия сверху².

Можно было бы надеяться, что российские историки Октябрьской революции уловят подобные «подсказки», разглядят хотя бы частицу опыта французской историографии, оценят познавательные возможности каждого из этапов ее развития. На деле, каждое новое поколение вольных или невольных «наследников Октября» принималось отбирать из него то, что могло принять, разглядеть и освоить в силу своих собственных качеств, способностей и давления исторической памяти. «Новизна» современной ситуации связана разве что с тем, что ныне историю Октября ныне пытаются психологически и нравственно «осилить» представители духовно истощенного поколения. Нельзя сказать, что это им удается.

Строго говоря, достоинства историографии любой революции измеряется не степенью ее свободы от идеологизированности и политизированности, а по способности преодолеть и то, и другое. Российская историография революции сегодня определяется коммеморативными импульсами, задаваемыми властью и политиками. Современной власти, попросту говоря, не нужны никакие революции. Соответственно этому многими российскими авторами движет вульгарное стремление «отметиться», «разоблачая» Октябрьскую революцию.

В марте 1919 г. аргументов для осуждения Октября не смог найти выдающийся историк Французской революции А.Олар, ибо обнаружил массу аналогий с тем, что пришлось пережить его стране в конце XVIII в.³ Выступая на заседании Лиги прав человека он отметил, что Французская революция также была осуществлена руками меньшинства, а вся Европа считала его лидеров, как ныне считают большевиков, просто бандитами. Как якобинский, так и большевистский террор, по его мнению, был в значительной степени спровоцирован интервенцией извне. Для историков его уровня было очевидно, что революции вызревают очень долго, а происходят внезапно. В отличие от них, в современной России пытаются

¹ См.: Figes O. People's Tragedy: The Russian Revolution. 1891-1924. N.Y., 1998.

² Rosenberg W. Interpreting Revolutionary Russia // Critical Companion to the Russian Revolution, 1914-1921. London, 1997. P. 30-32.

³ Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. М., 1998. С.88.

«разделаться» с Октябрьской революцией откровенные неучи. Увы, по своему профессиональному уровню они уступают даже догматикам застойных времен.

Впрочем, феномен советской историографии куда сложнее, чем принято считать. Его можно рассматривать как цикл взлета и падения порожденного Октябрем мифотворчества, которому неизбежно предстояло иссякнуть по мере того, как общество удалялось от своих революционных истоков. И вовсе не случайно то, что современные историографы менее всего способны оценить предпосылки и стимуляторы революции и порожденную ими убийственную ярость возмущенных толп.

В свое время Й.Хейзинга предостерегал от «ортодоксально-каузальной» трактовки любых событий, полагая, что в современных общественных науках «понятие причины вытесняется понятием условия». Историческое событие не может оцениваться вне породивших его культуры и среды. Октябрьскую революцию осуществил «человек с ружьем» из вчерашних крестьян, которому сунули в руки «пролетарское» знамя¹. Похоже, что современные российские авторы никогда не задумывались над этим.

Но существует еще одна тонкость. Дело в том, что относительно независимая марксистская мысль, прежде чем столкнуться со сталинско-имперской государственностью, вынуждена была так или иначе (чаще неявно) реагировать на образы «красной смуты», засевшие в массовом сознании и многократно раздутые художественной литературой, поэзией и изобразительным искусством. В современных условиях приходится иметь дело уже с качественно иными «образами» – прежде всего с антикоммунистическими антиподами революции. Важнейший из них связан с образом дореволюционного процветания России и готовностью «оптимистично» переписать всю русскую историю на эволюционный манер². Оказывается, что системный кризис самодержавия – чистой воды выдумка большевиков, ибо предреволюционная Россия прогрессировала даже «антропологически» – мужики за полстолетия подросли на несколько сантиметров, а бабы успешно нагуливали вес³.

¹ См.: Булдаков В.П. От войны к революции: рождение «человека с ружьем» // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997; Его же. Революционная «солдатизация» России и власть, 1917-1920 гг. // Взаимодействие государства и общества в контексте модернизации России. Конец XIX - начало XX века. Тамбов, 2001.

² Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В двух томах. СПб., 1999. Т.1. С.17.

³ См.: Б.Н.Миронов. Униженные и оскорбленные: «Кризис самодержавия» – миф, придуманный большевиками // Родина, 2006, № 1. Вульгарный социологизм приводит к поразительным открытиям. Оказывается, что непосредственной причиной подрастания населения России явилась виттиевская индустриализация. Критику подобных взглядов и ответ на нее см.: Элман М. Витте, мионов и ошибочное использование антропометрических данных // Экономическая

Собственно именно такие представлениями руководствовался А.Солженицын, когда решил опубликовать свою статью о Февральской революции, написанную четверть века назад¹. Нобелевский лауреат оказался заложником антикоммунистических эмоций – такое годится для художественной литературы, а не для истории. Конечно, массовый читатель вряд ли оценит эту статью. Во-первых, она написана настолько тяжелым, искусственно архаизированным языком, что ему просто надоест «расшифровывать» текст. Во-вторых, все понимают, что налицо политическая PR-акция, приуроченная даже не к 90-летию революции², а к грядущим выборам Госдумы, а затем и президента – они должны пройти «мирно». Современные установки статьи прочитывались слишком легко: Февраль был результатом слабости Николая II, а между тем, российский правитель должен быть не только тверд, но и жесток. Ну а главные враги российской государственности – это, конечно, либералы и интеллигенция вообще.

Не успели утихнуть поднятые ею страсти, как он одарил читателей «новыми» (точнее вновь старыми) откровениями об Октябрьской революции³.

Надо заметить, что первая реакция оказалась вполне профессиональной. Но только вряд ли можно согласиться с известным историком В.Т. Логиновым в том, что о «демократии осенью 1917 года уже никто не вспоминал» – и левые и правые готовились к диктатуре⁴. На деле социалисты, а именно они стали теперь главными противниками большевиков, проиграли Ленину и Троцкому именно под знаменами демократии. После разгрома Корнилова диктатура справа в действительности стране не грозила (за генералами некому было идти), хотя именно ею запугивали людей большевики, чтобы прийти к власти – якобы обороняясь от поднимающей голову контрреволюции.

Вслед за тем последовала настоящая истерия поношения большевизма. Один самодетельный историк⁵ переплюнул всех профессиональных

история. Обзорение. Вып. 11. М., 2005. С.159; Миронов Б.Н. «В огороде – бузина, а в Киеве дядька // Там же. С.166-171.

¹ Солженицын А.И. Размышления о Февральской революции // Российская газета. 2007. 27 февраля.

² Примечательно, что об особых взглядах А.Солженицына на Февральскую революцию было известно давно – он воплотил их в «Красном колесе». См.: Лурье Я.С. Александр Солженицын – эволюция его исторических взглядов // Звезда. 1994. № 6.

³ См.: Солженицын А.И. На обрыве повествования // Литературная газета. 2007. 18-23 июля.

⁴ Литературная газета. 2007. 25-31 июля.

⁵ Его труды характеризуют две книги (см.: Шамбаров В. Белогвардейщина. М., 1999; Его же. Окультизм корни Октябрьской революции. М., 2006). Первая представляет собой невыразительный пересказ событий гражданской войны. Вторая, на деле, посвящена всего лишь одному «окультисту» революции – Я.М.Свердлову. Тот сделал шкуру из своего любимого свирепого черного пса – это и есть решающее свидетельство «окультистских корней» революции (Шамбаров В. Окультизм корни Октябрьской революции. С.334-335). Впрочем, Шамбаров признает необъективность своих сочинений, горделиво заявляя, что история вообще

антикоммунистов времен «холодной войны»¹. По его мнению, «российская революция вообще не была вызвана внутренними экономическими и социальными проблемами». Она просто была спланирована враждебными России «внешними силами, сумевшими целесообразно расколоть русский народ и стравить между собой». Эти силы – американские банкиры, действовавшие через русских евреев-революционеров, за спиной каждого из которых стояло по родственнику-толстосуму².

Конечно, в современной обстановке до читателя скорее дойдут такие откровения, нежели труды историков-профессионалов. Строго говоря, историкам в любой стране не раз приходилось представлять перед судом сильных мира сего или перед «пестрым синклитом» всевозможных авторитетных дилетантов³. Но, кажется, только в современной России в среду последних допускают откровенных неучей параноидального склада. Хуже того, с ними вольно или невольно солидаризируются некоторые профессиональные авторы.

Так, по поводу Октябрьской революции в очередной раз высказался известный специалист по истории Древней Руси И.Я.Фроянов⁴. При анализе предпосылок революции он не забыл и об указе о вольности дворянству, крестьянской реформе 1861 г., столыпинской реформе – именно они в совокупности обобрали крестьян и привели к «аграрно-демократической» революции 1905-1917 гг. Мировая война, вслед за тем, вызвала «бесформенную» и бесполезную для народа Февральскую революцию. А Октябрьская революция, в свою очередь, «стала прямой реакцией на революционную ущербность Февраля». После этого следуют настоящие фантазии.

Оказывается, все было бы хорошо, если бы после 25 октября 1917 г. «революция для России» не уступила место своего рода глобалистскому проекту под названием «Россия для революции». В связи с этим автор впадает в евразийские и национал-большевистские фантазии противопоставляемые, разумеется, замыслам зловредных американско-еврейских банкиров, финансировавших все того же Троцкого⁵. В прошлом И.Фроянов писал о том, что «было бы сверхпримитивизмом ставить революционные события 1917 г. в зависимость исключительно от происков мировой

«субъективная наука» (там же. С.464). Подобная логика призвана уравнивать «научные» достижения графомана и историка-профессионала. Автор, должно быть, и не подозревает, что целые поколения историков упорно разрабатывали профессиональные исследовательские приемы, позволяющие избежать именно этого «субъективизма».

¹ В сущности, он просто устроил рекламную акцию телефильму «Лев Троцкий. Тайны мировой революции». Фильм снят «патриотами» из Фонда «Культура». Ему предшествовал не менее бредовый фильм «Кто платил Ленину?». По логике этих «документалистов» получается, что Ленин был немецким шпионом, Троцкий – английским. Вот так и делаются революции – были бы деньги! Такова печать времени.

² См.: Литературная газета. 2007. 1-7 августа.

³ Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С.72.

⁴ Фроянов И. Революция для России // Литературная газета. 2007. 29 августа – 4 сентября.

⁵ Фроянов И.Я. Октябрь семнадцатого (глядя из настоящего). СПб., 1997. С.8.

закулисы или от действий кучки революционеров, возглавляемых Лениным...». Теперь он фактически сам встал на «сверхпримитивную» точку зрения.

«Об Октябрьской революции сложили идеологизированные мифы, в объятиях которых дремлет обыденное сознание многих, если не большинства россиян», – справедливо отмечает другой известный историк. Но, сделав такое заключение, он также уходит в сферу фантазий. Оказывается, что большевики, которых поддержал народ, оказались не на высоте – «пренебрегли политической и экономической свободой в пользу социального равенства», разрушили сложившуюся «духовную иерархию ценностей». Можно подумать, что вожди революции могли выбирать на манер самодержавных правителей. Вслед за тем следуют беспочвенные сентенции и благие пожелания на будущее. Беда в том, что после смерти Ленина некому было создать «цельное учение о строительстве социализма»; в современную эпоху важно не кидаться в былые крайности – «пусть Россия впитает все положительное от социализма и капитализма»¹. Оказывается, от имени мнимой истории революции хорошо давать полезные советы. Даже профессиональные историки подвержены внеисторическим грезам применительно к революции – этого соблазна мгновенного прорыва в светлое будущее.

Вглядываясь в прошлую и нынешнюю историографию бесконечно мифологизируемой и демонизируемой революции, становится ясно, что речь идет вовсе не о ней – продолжается нескончаемый разговор об идеальной *власти*. Под покровом истории, историографии, историологии, историософии и даже клиометрии (которыми сегодня готов заниматься каждый, кому не лень) скрывается старый, известный со времен призвания варягов, российский метанарратив. Он целиком и полностью связан с образами власти. И на таком фоне уже не стыдно позволить себе благоглупости, не имеющие никакого отношения к реальной истории революции.

В связи с этим появление целой когорты «историков-любителей», конечно, не случайно². В России по-прежнему боятся своей собственной реальной истории. И дело не только в феномене притяжения или отторжения мифа. «Вещность» и «телесность» современности заставляет авторов торопливо скользить на поверхности истории, не замечая ее глубины. В известные времена люди не склонны заглядывать в устрашающую бездну истории – они предпочитают видеть в ней всего лишь отвлеченную мозаику злодеев и невинных жертв. В сущности, наркотик исторического беспамятства помогает «усталым» обществам спокойно и беспечно угасать. Но что может случиться, если подобной беззаботностью проникнутся представители страны, находящейся на перепутье?

¹ Громько А. Каток истории // Литературная газета. 2007. 15-25 сентября.

² Одни из них – вполне в согласии с «духом времени» – сводят проблему революции к проблеме денег (Сикорский Е.А. Деньги на революцию: 1903-1920. Факты, версии, размышления. Смоленск, 2004); другие, смело вписывают большевизм в антологию мирового терроризма – от Адама до современной мафии (Барский Л.А. Корни и лики террора. Историко-публицистический детектив. М.: Издательство ЛКИ/URSS, 2007).

Мир всегда предпочитал реальной истории «возвышающий обман». В России совсем недавно это уже обернулось дурной пародией на прошлую революцию¹. Но не станет ли однажды эта привычка трагическим самообманом? Опыт Октябрьской революции убеждает, что бегство от истории обходится куда дороже бегства от свободы.

Долгий путь к социализму. Три вызова марксистской традиции

*Шубин А.В.,
д.и.н., Институт всеобщей истории РАН*

Для большинства левых активистов, понимающих важность теории, пост-капиталистический проект является синонимом марксизма. В действительности социалистическая теория шире, и это придает ей большую устойчивость, возможность приобщаться к мудрости, высказанной людьми, не имевшими на челе штампа марксиста. Особенно это важно сейчас, когда марксистская традиция сталкивается с важными вызовами – неудача коммунистического проекта в СССР (вкуче в неудачами или очевидным преререждением других коммунистических режимов); кризис индустриального общества и социального государства, пост-индустриальные тенденции. Большинство марксистов сегодня пытаются решить эти проблемы «своим умом» или с помощью цитат основоположников. Путем приложения привычной методологии к новым явлениям. Я не оспариваю правомерность этой работы. Но вот методологическое поле полезно расширить до границ социалистической теории в целом, и это предоставит современной теории социализма второе дыхание.

¹ См. Булдаков В.П. Quo vadis? Кризисы в России: Пути переосмысления. М., 2007.